18+

Николай ТАРАТУХИН

СТРУНЫ МОЕЙ ДУШИ

Николай Таратухин

Струны моей души. Рассказы, повести и стихи

«Издательские решения»

Таратухин Н.

Струны моей души. Рассказы, повести и стихи / Н. Таратухин — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-961302-8

НЕЗАКОННОЕ ПОТРЕБЛЕНИЕ НАРКОТИЧЕСКИХ СРЕДСТВ, ПСИХОТРОПНЫХ ВЕЩЕСТВ, ИХ АНАЛОГОВ ПРИЧИНЯЕТ ВРЕД ЗДОРОВЬЮ, ИХ НЕЗАКОННЫЙ ОБОРОТ ЗАПРЕЩЕН И ВЛЕЧЕТ УСТАНОВЛЕННУЮ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВОМ ОТВЕТСТВЕННОСТЬ.Сборник включает произведения, написанные автором в 2017—2018 годах. Рассказы «Не зная броду…» и «Фаина» чисто автобиографические. В первом главный герой едва не становится жертвой своих юношеских эротических страданий. Во втором — жизненные хитросплетения приводят главного героя к необходимости стать донором для бездетной семьи. Остальные повести и рассказы являются художественным вымыслом, но все персонажи попадают в реальные жизненные ситуации, где присутствует лёгкая эротика, юмор и ирония.

ISBN 978-5-44-961302-8

© Таратухин Н.
© Издательские решения

Содержание

Не зная броду… 6
Фаина 10
Атеист 14
Стечение обстоятельств 22
1 22
Конец ознакомительного фрагмента. 23

Струны моей души
Рассказы, повести и стихи

Николай Таратухин

© Николай Таратухин, 2019

ISBN 978-5-4496-1302-8
Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Не зная броду…

«…И, пожалуй, увидеть я рад,
Как лиса, притворившись мёртвой,
Ловит воронов и воронят».
(Сергей Есенин).

Это случилось со мною «на заре туманной юности». Жил я в городе Бахчисарае в собственном доме, построенном моими родителями ещё до войны. Отец погиб в сорок четвёртом на фронте, а мать пережила его на десять лет и умерла от рака желудка два года назад. Двух моих младших братьев определили в детский дом, а я остался единственным хозяином домовладения.

За эти два года моя жизнь могла принять совершенно неожиданные повороты. Но я не стал ни вором, ни бандитом и всё это благодаря моему увлечению спортом. В шестнадцать лет я поступил работать в городскую пожарную команду, где спорт приветствовался руководством команды. К этому времени я был замечен тренером городской футбольной команды и успешно выступал за сборную бахчисарайского района в первенстве Крыма.

Дом наш был небольшим, но имел пристройку – небольшую комнатушку с отдельным входом и маленьким оконцем. В ней размещались две кровати и стол. Сложенная из кирпича печь служила для варки пищи и обогрева в зимнее время. Здесь как раз и происходило событие в моей жизни, о котором можно сказать – впервые в жизни.

В августе 1954 года мне исполнилось восемнадцать лет. К этому времени я окончил восемь классов вечерней школы и в сентябре я пошёл учиться в девятый класс. С учебниками в то время было плохо, но в школе была своя библиотека, в которой ученики могли брать их под запись на свою карточку. Помимо учебников в библиотеке был большой отдел художественной литературы. Я свое одиночество скрашивал чтением книг. Читал всё без разбору и очень быстро. Пожилая библиотекарь Анна Михайловна, увидев моё увлечение чтением, решила както систематизировать поток информации, которую я получал из книг и стала предлагать мне не только русскую классику, но и сочинения зарубежных писателей. Сильнейшее впечатление на меня произвело произведение Гюстава Флобера «Искушение святого Антония». Когда я читал его, то представлял себя на месте Антония:

«…Перед рассветом я приступал к молитве; потом спускался к реке за водой и возвращался по крутой каменистой тропе с бурдюком на плече, распевая гимны. Затем развлекался уборкой хижины, брался за инструменты; старался, чтобы циновки были совсем одинаковы, а корзины легки, ибо малейшие дела мои казались мне тогда обязанностями, и в них не было ничего тягостного».

Каждое утро я спускался с двумя вёдрами по каменистой тропе из своего дома, расположенного под скалами северного склона бахчисарайского ущелья к водопроводному крану, расположенному далеко внизу на центральной улице, чтобы набрать свежей воды. Гимны не распевал, но песни напевал. Затем занимался уборкой комнат. Позавтракав, садился играть на гитаре, выполняя задания своего учителя, которые считал своими обязанностями. С преподавателем гитары я познакомился совсем недавно и ревностно принялся изучать музыку. Школьные задания тоже выполнял, но уже с меньшей охотой. Так протекали дни, когда я находился не на работе. Работал я в городской пожарной команде сутки через трое.

Как раз в момент чтения сочинения Гюстава Флобера «Искушение святого Антония» ко мне на квартиру попросились две работницы городской трикотажной фабрики. Я поселил их в вышеупомянутую пристройку. Девчата, по моим нынешним понятиям, молодые, а тогда мне казалось, что одна совсем старая – ей было тридцать лет, а вторая по возрасту ближе ко мне.

Ей шел двадцать второй год. Я не был святым отшельником типа Антония. Женщины волновали меня и будоражили всё моё существо. Я подолгу мог смотреть на женские ноги, поднимая глаза выше к бедрам. В моё время женщины носили совершенно иную одежду, которая порой скрывала выпуклости зада, но тогда я включал воображение, и оно дорисовывало мне невидимые прелести этих неведомых мне существ. Что же касается женской груди, то мои руки порой испытывали зуд от желания потрогать эти бугры Венеры у какой-нибудь красотки.

Вот в таком моём состоянии ко мне поселились две женщины. Не какие-нибудь там скромницы, типа монашенок, а работящие, не чурающиеся крепкого словца бабы. Звали младшую Тамара, а фамилия её была Савченко, созвучной с историческим персонажем – царицей Савской, что меня немало удивляло.

«Царица Савская, прослышавши о славе Соломона, пришла искусить его загадками».

Белый слон, в золотой сетчатой попоне, подбегает, тряся пучком страусовых перьев, прикрепленных у него к лобной повязке.

На его спине, в подушках из голубой шерсти, скрестив ноги, полузакрыв веки и покачивая головой, сидит женщина, одетая столь ослепительно, что вся сияет лучами. Толпа простирается ниц, слон подгибает колена, и Царица Савская, соскальзывая по его плечу, спускается на ковры и направляется к святому Антонию…»

Меня все сильнее стало тянуть к соседкам. Я, как говорят сейчас, «положил глаз» на Тамару, почувствовав, что это не безнадежно. Ростом она была с меня. Широкоплечая, с хорошо развитой грудью, мускулистыми руками и узким тазом; она в нынешнее время могла бы запросто стать чемпионкой по борьбе или боксу среди женщин. Волосы на голове у нее вились без всякой завивки и украшали лицо, над которым Создатель особо не трудился – оно было словно вырублено только топором без всяких других столярных инструментов. Но большие карие глаза компенсировали все недочеты природы. Они гипнотизировали меня и манили к себе с непреодолимой силой.

Я просто заболел ею. С нетерпением ожидал, когда она придёт с работы, чтобы только увидеть её, поговорить о чём угодно, но ни в коем случае о своих чувствах к ней. Свои чувства к ней я скрывал. В зимние вечера, придя из вечерней школы, я регулярно наведывался к своим квартиранткам, которые допоздна играли в карты и слегка порой выпивали. Я к спиртному, как спортсмен, не прикасался, но разные их байки слушать любил. Естественно, Тамара стала догадываться о моём неравнодушии к ней. А мне стало казаться, что и она готова ответить мне тем же. Я не только не имел половых отношений, но даже ни с одной девушкой пока не целовался. Старшая квартирантка, я ее звал тетя Галя, знала множество анекдотов, многие из которых были такого содержания, что у меня на первых порах уши вяли. Тем более, что никаких ограничений на скабрёзность не было. Все говорилось прямым текстом. Тамара в этих случаях заразительно смеясь, хлопала меня по колену, а её рука, как бы невзначай соскальзывала, прощупывая мои довольно мускулистые бёдра футболиста. При этом пальцы руки её скользили до самой ширинки моих брюк, касаясь, как бы невзначай того, что скрывалось за нею. Порой это было уже не касание. А нечто другое.

В конце концов, я осмелел до такой степени, что начинал сам проявлять активность и моя рука оказывалась под её платьем, не встречая никакого препятствия. Тётя Галя или не замечала нашего рукоблудства, или делала вид, что не замечает, но в нашем лице она находила благодарных слушателей. А у нас с Тамарой дело шло к выяснению отношений.

«Она говорит: Ах, прекрасный отшельник! прекрасный отшельник! сердце мое замирает!

Я так топала ногой от нетерпения, что у меня появились мозоли на пятке, и я сломала себе один ноготь! Я посылала пастухов, которые стояли на горах, держа ладонь над глазами, и охотников, которые выкликали твое имя по лесам, и соглядатаев, которые обегали все дороги, спрашивая каждого встречного: «Видели вы его?»

Ночью я плакала, повернувшись лицом к стене. Слезы мои под конец проточили две дыры в мозаике, как лужицы морской воды в скалах, ибо я люблю тебя. О, да: люблю!?

Она всматривается в него.

Ах, когда ты будешь моим мужем, я разодену тебя, я умащу тебя благовониями, я удалю с тебя волосы. Антоний стоит неподвижно, как столб, бледный, как смерть».

И объяснение произошло. В один из вечеров, когда тётя Галя была на работе, я задал Тамаре вопрос, который вынашивал долгое время:

– Тома, у тебя есть сейчас кто-нибудь из мужчин? – робко спросил я.

– А ты, хочешь на мне жениться? – ответила вопросом на вопрос она.

– Ну, почему бы и нет, – решил я идти до конца.

– А женилка у тебя выросла, – продолжала издеваться надо мной она.

– Раздеться и показать? – не унимался я.

– А что?.. Раздевайся!

Я слегка стушевался, хотя показать мне было что. Я был коренаст и крепкого сложения. В военкомате меня определили в подводники. Но демонстрировать своё мужское достоинство как-то было явно неудобно, тем более, что оно мирно дремало и не собиралось выходить на тропу войны… Пауза явно стала затягиваться и тут она сказала:

– Давай разденемся одновременно, – и начала расстегивать пуговицы кофты…

На мне было лишь три предмета одежды: рубаха, брюки и трусы. Я снял их мгновенно. Она же завозилась с застежками лифчика.

– Помоги расстегнуть, попросила она, повернувшись ко мне спиной.

Дрожащими руками начал эту неизвестную для меня операцию. Петли не поддавались, я их дергал туда-сюда… Наконец, она не выдержала и повернувшись ко мне, сама сняла эту амуницию. И тут я увидел ее грудь. Со мной едва не случился нервный припадок, когда два коричневых наконечника ее копий впились в меня…

– Колюнчик, да ты и целоваться не умеешь, – сказала она, отдышавшись после поцелуя, который она влепила мне в мои закрытые губы, – давай поучу…

Мы стояли посредине комнаты, абсолютно раздетые. Сбылась мечта идиота: мои руки нежно сжимали её груди, причём не просто сжимали, а мяли как будто это были заготовки из теста для выпечки хлеба. Она слегка постанывала, прижимаясь лобком к моему мужскому достоинству, которое вдруг приняло довольно угрожающий вид. Она стала объяснять, что и как надо делать при поцелуе. Как только у меня стало получаться – руки мои быстро сменили объект обследования. Ягодицы её оказались упругими и горячими. Кровь бешенными толчками била мне в голову. Я захотел большего. Пальцы моей руки сразу запутались в жесткой проволоке волос ее лобка и скользнули ниже во влажную неизвестность…

– Нет, нет! Мой дорогой, сегодня только смотрины. И вообще, все остальное будет только после женитьбы. Ты очень шустрый, а мне потом одной подбрасываться с киндером… У тебя, я вижу, с «женилкой» все в порядке. У меня тоже все на месте…

«О! если бы ты захотел, если бы ты захотел!.. У меня есть павильон на мысу посредине перешейка между двух океанов.

Он облицован по стенам стеклом, пол выложен черепахой, а двери выходят на четыре стороны света. Сверху я вижу, как возвращаются мои корабли и люди подымаются на холм с ношами на плечах. Мы спали бы на пуху мягче облаков, мы пили бы прохладные напитки в коже плодов и смотрели бы на солнце сквозь изумруды! Приди!..»

В этот вечер я впервые рассмотрел, как выглядят женщины без одежды. Действительно, это – «целый мир!». И мне очень захотелось открыть эти тайны. Я уже ничего другого не думал кроме вхождения в этот мир. Мне грезилась Тамара и куча детей рядом. Меня абсолютно не интересовало её прошлое и настоящее. Это была не любовь, а элементарная половая страсть, но я об этом даже не догадывался.

Тетя Галя узнала о нашем с Тамарой романе. Она даже создавала для нас условия интимного общения, уходя надолго по своим делам. Я осмелел и достаточно определенно показывал свои намерения овладеть Тамарой. Я совершенно не догадывался, что она играет со мной, как кошка с мышкой. Когда мы укладывались на ее кровать. И тут начинались мои «страдания». Она позволяла мне делать с собой все. За исключением самого главного!.. Как только я, лежа на ней, между раздвинутых ею ног, нацеливал свое орудие производства потомства в нужном направлении, она закрывала ладонью вход в производственный цех. Физически она была сильнее меня и все мои попытки применить силу заканчивались полным фиаско. После таких сеансов я был готов не только жениться на ней, но и продать душу дьяволу за сладостное обладание ею.

После очередного «поцелуйного вечера» мы подали заявление в ЗАГС. На мои просьбы расписать нас незамедлительно пожилая работница конторы, посмотрев на меня с укоризной сказала: «Молодой человек, не торопитесь поперед батьки в пекло. Я действую согласно Закону». И назначила срок длинной в два месяца. «Я волком бы выгрыз бюрократизм…», вспомнил я Владимира Маяковского, но делать было нечего. Приготовился ожидать.

Однажды, когда Тамара была на работе, я пришел к тете Гале. Играя в карты, мы разговорились.

– Ну, что уже попробовал Тамару? – спросила она меня после очередного рассказанного анекдота, – горячая девка?

– Нет, не дает. Обещает только после женитьбы, – со вздохом произнес я.

– И ты все это время терпишь? – удивилась она.

– Галя, – назвал я ее впервые без приставки тетя, – у меня на стороне никого больше нет. А у нее – не знаю…

– Зато я знаю. Её, как кошку имеют все ремонтники. А ты жди… Дурачок!

– Не правда, Галя!

– Я могу поклясться на чем угодно. Мне тебя, мальчишку- сироту просто жаль. Куда ты лезешь? Я думала, что у вас просто флирт, а ты серьезно вляпался…

Рассказывала мне все это тетя Галя, употребляя совсем не те глаголы, которые я написал сейчас. «Попробовал», «имеют» она говорила словами народного лексикона, а мое сердце готово было разорваться от обиды. Я не стал выяснять правдивость услышанного. С Тамарой я просто перестал общаться. Забрал заявление из ЗАГСа.

Сдавая книгу Гюстава Флобера в библиотеку, я разговорился с Анной Михайловной. Рассказал её всё, как на духу. Она выслушала меня и сказала: «Разве можно так бросаться в воду, не зная броду? Она бы тебя окрутила, став законной женой, а когда тебя заберут в Армию – дом твой продала бы. И „с ним была, плутовка, такова“. Все, как у дедушки Крылова».

Фаина

После демобилизации из Армии я решил поступить в вечернюю школу рабочей молодёжи. Надо было закончить 10-й класс. У меня их было только девять. Директор школы меня огорчил:

– Молодой человек, на дворе конец октября… Программа у нас довольно сложная, ничем не уступает обучению в дневной школе. Я не уверен, что вы сможете наверстать пройденный материал по всем предметам… Приходите на следующий год…

Но я заверил директора в том, что занимался в армии самоподготовкой по программе десятого класса и смогу учиться не хуже других. Меня приняли, правда, с испытательным сроком. Я действительно занимался самостоятельно математикой и химией, но физикой не занимался, как оказалось, всё —таки нужно было.

Работая учеником шлифовщика на заводе электроизмерительных приборов, я теперь по вечерам спешил в школу. Усаживался за первую парту в классе и усердно «грыз гранит науки». Гуманитарные предметы мне давались легко, но что касается физики, то здесь «звёзд с неба не хватал». Не потому, что не мог понять объяснений физических законов молоденькой учительницей. Причина была в другом. Я в учительницу влюбился и вместо того, чтобы думать на её уроках о предмете, мозг мой одолевали грёзы совершенно иного характера.

Звали её Фаина Алексеевна. Она была всего на три года старше меня. И, к моему глубокому сожалению, как узнал позже – замужем. Я слышал, что на свете существует платоническая любовь, но не думал, что заболею этой «заразой» в расцвете сил на двадцать третьем году жизни. Когда она писала мелом на доске формулы, я смотрел на её изящную фигурку и мысли мои уносились мимо законов Гука, Паскаля и Ньютона… Я видел её в своих объятьях, мысленно покрывал поцелуями её красивое лицо, шею, грудь и взгляд мой опускался ниже к её другим женским прелестям…

Но кое-что я всё же из физики усваивал. Особенно меня вдохновлял постулат: «при взаимодействии двух тел всегда результат ощущают на себе оба тела». Говоря проще, всегда при воздействии на что-то следует отдача. И эта отдача начала проявляться. Фаина заметила, что я на неё смотрю совершенно не так, как остальные ученики. Женская интуиция, видимо, ей подсказывала, что я к ней не равнодушен. Я заметил, что, объясняя физические законы, она то и дело смотрит на меня, как бы спрашивая: понятна ли тема?.. А я иной раз, совершенно не вникая в суть её объяснений, думая совсем о другом, делал вид, что всё понимаю. Чтобы не выглядеть в глазах учительницы законченным тупицей, я серьёзно взялся учить физику. На уроках проявлял максимальную активность, задавал вопросы, порой наивные, но только для того чтобы общаться с нею.

По случайному стечению обстоятельств уроки физики в нашем классе два раза в неделю приходились на последнюю пару. Тут уж я, проявляя галантность, провожал Фаину после уроков до трамвайной остановки, и, конечно, всё своё красноречие вкладывал в её обольщение. Трамваи в вечернее время ходили не часто, и нам приходилось подолгу стоять на остановке. Поэтому мы успевали поговорить о многом.

Я своих чувств к ней не стал скрывать. Когда она сказала, что замужем, я не растерялся и тут же выдал: «Мне бы только смотреть на тебя, видеть глаз злато-карий омут…». А у неё, действительно, были светло-карие глаза удивительной красоты…

– Смотреть не запрещаю, – улыбаясь сказала она, – но не более того…

На этом и порешили. Наши разговоры становились более откровенными. Нам уже не хватало времени на трамвайной остановке. Я садился в трамвай и ехал с нею. Провожал до самого её многоквартирного дома. Рассказал свою короткую биографию: ни отца, ни матери, холост, живу в общежитии. Она мне рассказала, что вышла замуж, будучи студенткой за преподава-

теля физики, который старше её на восемь лет. Живут вместе уже четвёртый год. Муж преподает физику в политехническом институте. Детей нет. Она очень хочет родить. Врачи сказали, что у неё по женской части всё в порядке. Муж в детские годы после перенесённой ангины переболел орхитом – воспалением яичек и теперь у него большой дефицит сперматозоидов. Беременность может наступить, а может и не наступить.

– А взять ребёнка из детского дома не пытались? – спросил я у неё.

– Мы об этом думали, но мои родители не советуют. Их знакомые сильно «обожглись» на этом деле. Взяли на воспитание мальчика, растили до шестнадцати лет, а у него оказались такие гены, что они сейчас молят Бога, что остались живы… Поэтому мы тоже опасаемся дурной наследственности…

Однажды, прощаясь у подъезда её дома, она вдруг завела со мной довольно откровенный разговор

– Николай, я помню твоё признание мне в своей любви. Ты мне тоже нравишься. Ты спортивный парень, не алкоголик, стремишься к знаниям, любая девушка замуж за тебя с радостью пойдёт. Но я люблю своего мужа и разводиться с ним не хочу. Давай мы с тобой заключим союз: я еще подожду годика два-три, а ты если вдруг не женишься, то встретимся, и сделаешь мне ребёнка…

– А раньше – никак нельзя? – спросил я с надеждой в голосе.

Конечно же, получил ответ отрицательный, но дружбы с ней до самого окончания учебного года не терял. Обменялись адресами и телефонами. Выпускной экзамен по физике в 1959 году я сдал на отлично. И мы расстались с Фаиной, как я думал, навсегда.

А у меня холостяцкая жизнь продолжалась недолго. Моя влюбчивость сыграла со мной злую шутку. Влюбился. Переспал всего одну ночь с возлюбленной. Родился ребёнок. Расписался. И тут жена заявила, что меня не любит, жить со мной не хочет. Пришлось разводиться, но уже с алиментами на родившегося сына. Вернулся в общежитие. Сильно я обиделся на весь женский род и теперь жениться зарекся, как минимум, до тридцати пяти лет. А было мне на тот момент двадцать шесть. Через месяц после бракоразводного суда зовут меня к телефону. Слышу в трубке:

– Алло! Это Николай?.. Здравствуй, догадываешься, кто тебе звонит?

– И кто же? – спрашиваю недоумённо.

– Фаина… Помнишь наш договор?..

– Конечно помню, – соврал я, хотя не очень помнил детали этого договора.

– Ты не женился?.. Хотя вопрос глупый – ты, как я поняла, о сих пор живешь по старому адресу…

– Был женат, но развёлся и одинок.

– Я тоже вроде того. Давай встретимся…

Договорились о встрече. На свидание я опоздал на десять минут. Трамвай подвел. Но она меня ждала. Не изменилась. Такая же стройная и красивая, только перекрасилась в блондинку. Я решил разыграть из себя бывалого ловеласа, а не того робкого ученика вечерней школы. Обнял ее и поцеловал в щеку. Взял под руку, и мы пошли вдоль улицы.

– Прошло ровно три года после того разговора с тобой. Ты хотел со мной близости и вот, я решилась, – начала она разговор…

Если бы мне сказали, что я выиграл в лотерею крупную сумму – я удивился бы, наверное, не так сильно.

– А что же муж, он в курсе предстоящих событий?..

– Давай еще раз договоримся: Ты ничего не спрашивай о нем. Его нет. Для тебя я одинока… Сделаешь свое дело и забудь обо мне сразу. Я понимаю, что ты не бесчувственный агрегат, что для этого нужны чувства. Ты получишь от меня все… Ведь, признайся, ты меня любил?..

– Фаина, после твоего звонка долго не мог заснуть… Сейчас увидел тебя и в душе зазвучали слова: «Я встретил вас и все былое…». Да, любил первой, наивной любовью и готов любить сейчас… Я не лукавил. Действительно, после всего пережитого с женой мне захотелось женской ласки, а Фаина, как подарок судьбы явилась ко мне неожиданно, словно снег на голову среди знойного кубанского лета. Я не стал допытываться о подробностях такого её поступка. Скажу только то, что сейчас по истечению многих лет, достижения медицины позволили бы ей принять совсем другое решение. А тогда это был реальный выход из безнадёжного положения.

– И когда же мы приступим к реализации твоего решения, – поинтересовался я.

– Прямо сегодня… Думаю, недели нам будет достаточно?..

И тут меня начал по-настоящему бить мандраж. «Она, наверное, предполагает, что за эти три года я стал опытным мужчиной и для меня делать детей плёвое дело, – думал я, – не рассказывать же мне ей, что я всего один раз переспал со своей женой и на этом мой сексуальный опыт закончился.

Вошли в неосвещенный подъезд ее дома и поднялись на третий этаж. Всю дорогу меня била дрожь, как в лихорадке от предчувствия чего-то таинственного и необычного. В сексе я был абсолютным профаном. В прихожей я заметил стоящие в углу мужские туфли, примерно, сорок шестого размера. Она заметила, что я их рассматриваю довольно долго и тут же сказала: «Не волнуйся, забыла отдать мужу».

– А муж у тебя гигант? – спросил я…

– Да, он довольно крупный мужчина – метр девяносто три, но еще раз прошу: о нем ни слова!..

Эйфорическое настроение у меня как-то сразу исчезло, но я не подал и виду. Подошел к окну просторной комнаты. Внизу был асфальт. Работая до призыва в Армию в пожарной команде, мне приходилось прыгать со второго этажа, но с третьего не пробовал. А на улице после душного августовского дня был поздний вечер летнего полнолуния. Мой трудовой отпуск заканчивался ровно через неделю…

– Сегодня очень жарко было днем, давай примем душ, – предложила она.

– Вместе или каждый отдельно?

– Как тебе хочется? – спросила, улыбаясь она.

Я пожелал «не гнать лошадей» и в душевую кабину направился один. Пока я плескался в ванной комнате, она накрыла стол. Заметил, что спиртного на нем не было. Она ушла в душевую, а я присел к журнальному столику. На нем лежало несколько иностранных журналов. Для меня было откровением видеть в журналах акробатические позы сексуальных партнеров. Быстро пересел на диван и принял скучающую позу.

– Садись к столу, – предложила она, выйдя из ванной.

Ужин оказался изысканным. Мы вспоминали нашу школу, наши прогулки после занятий. Ни я, ни она не знали, как приступить к выполнению задачи. Включили телевизор и пересели на диван. В то время было только две программы и на обеих шли какие-то занудные фильмы.

Наконец, я привлек ее к себе. Каким сладким показался наш затяжной поцелуй! Жена меня не целовала, а у Фаины губы были мягкими, горячими, а язык ее щекотал мой, доводя меня до сладостного исступления…

– Ну, куда ты спешишь?.. Я ведь от тебя никуда не убегаю, – с некоторым разочарованием тихо сказала она после моего скоропалительного дебюта, когда наши тела сплелись на широкой её кровати.

– Тебя надо учить и учить… Ты ведь ничего не умеешь, – ласково шептала она, продолжая горячо целовать меня. Мне пришлось признаться, что я, действительно, в этом деле зелёный новичок.

Я показал себя довольно способным учеником, а она хорошей учительницей. Теоретический материал мы тут же подкрепляли практикой, и к середине недели, я полностью домини-

ровал в процессе улучшения демографии в стране. При этом я выполнял все её сексуальные желания. «Ты доставляешь мне потрясающее наслаждение», – шептала она. Надо сказать, что и я получал ни с чем не сравнимое удовольствие от обладания ею.

Неделя пронеслась быстро. В последнюю ночь перед расставанием я несколько раз пытался спросить ее о муже, но она тут же закрывала мне рот ладонью. Я хотел длительной связи с нею и даже отказался бы ради нее от своего зарока – не жениться до тридцати пяти лет.

– Всё, мой дорогой, мой хороший мальчик. Сегодня всё… Надеюсь, ты на меня не в обиде?.. Если ничего не получится – обещай, что повторим… Я тебе позвоню через месяц. Если не позвоню, поклянись, что меня забудешь раз и навсегда!

Клятву я дал. Весь месяц ходил как на иголках. И вот он прошёл. Часами сидел около вахтерши, ожидая телефонного звонка. Наконец, прождав неделю, позвонил сам. Незнакомый женский голос отозвался в трубке:

– Алло, я вас слушаю…

– Пригласите, пожалуйста, Фаину!

– А они здесь больше не живут. По обмену переехали в Новосибирск…

Больше я ничего не узнал о Фаине. В жизни мне встречались другие женщины, но Фаину забыть не могу.

Атеист

Всякий раз при виде этой женщины его охватывало любопытство: кто она? Склонялся к мысли, чёто она балерина на пенсии. Своё привлекательное тело, она несла лёгкой скользящей походкой. Партнёра рядом с нею никогда не видел. Она всегда ходила в одиночестве. На вид ей можно было дать не более сорока пяти лет. Тёмные вьющиеся волосы были тронуты едва заметной лёгкой сединой, а шею до самого подбородка всегда укрывал платок или цветастый шарф. При встрече, бывало, только окинет безразличным взглядом и пройдёт мимо, как птица пролетит. А он оборачивался и смотрел ей вслед. Но она никогда не оглядывалась. Так продолжалось довольно долго.

Однажды утром субботнего дня, возвращаясь после ежедневной прогулки, увидел впереди себя её. Решил догнать и заговорить с нею. Когда был в двух шагах от неё, случилось непредвиденное – она споткнулась и начала падать, но он, проявив незаурядную реакцию, успел её подхватить и удержать от падения. Кулёк, который был у неё в руке, упал на тротуар и апельсины, лежавшие в нём, рассыпались.

– Огромное вам спасибо, – сказала она, когда он, собрав апельсины в кулёк, подал его ей, – иду с рынка, задумалась и, как видите, всё едва не окончилось трагически…

– Считайте, что ваш ангел-хранитель послал меня на помощь вам…

– Вы верующий? – удивлённо спросила она.

– Сочувствующий…

– Примите от меня подарок в знак благодарности, – улыбаясь, протянула ему два апельсина.

Пока шли к её дому – познакомились, и он кое-что сумел выяснить. Она не балерина, как он думал. Пианистка. Преподаёт в детской музыкальной школе. Живёт поблизости. В пятиэтажке, в квартире на четвёртом этаже. Не замужем. Детей нет… Успел рассказать о себе. Разведён. Живёт в однокомнатной квартире. Бывший военный лётчик.

Тепло расстались у подъезда её дома, обменявшись номерами мобильников. Весь день он вновь и вновь начинал думать о ней, но звонить было как-то неловко. Не хотелось выглядеть слишком навязчивым… После развода с женой, с которой прожил почти пятнадцать лет, к женщинам он стал испытывать чувство недоверия. С женой развёлся неожиданно. Вредных привычек у него не было, её и сына любил. Она была на двенадцать лет моложе его. Работала секретарём руководителя крупной строительной фирмы. Руководитель овдовел и образовавшийся «вакуум» заполнила секретарша… Она выбрала более обеспеченную комфортную жизнь и ушла с сыном к другому.

Следующий день был воскресным. В середине дня захотел позвонить своей новой знакомой.

– Здравствуйте, Софья! Это ваш вчерашний попутчик. У вас есть время со мной говорить?..

– Здравствуйте, Константин, – услышал знакомый голос.

Он не стал вести разговор вокруг да около, а сразу предложил встретиться. Она согласилась. Через каких-то полчаса выпорхнула из своего подъезда. Лёгкая и изящная. В чёрном коротком пальто и с цветным шарфом у лица.

– Простите, что без цветов, – начал он оправдываться, – не был уверен, что встреча может состояться, но это поправимо…

– Знаете, я не люблю срезанных цветов, – прервала она его, – это мёртвая натура. Я любуюсь ими, когда они растут на клумбе или в поле…

Как ни странно, но это очень совпадало с его мнением. Такое совпадение он принял за хороший знак. Весенний день располагал к прогулке, и они оказались на набережной неболь-

шого озерка. Он шел с нею рядом и думал о дальнейших своих действиях: «Что ей предложить?.. Театр, кино или ресторан?». Опыта соблазнителя у него не было. Прослужил в авиации двадцать пять лет… Учебные полёты, боевые… Разбор полётов. Потери боевых друзей – всё это было. Женился в тридцать пять после месяца встреч с хорошей девчонкой. Родился сын… И вот он теперь вновь оказался перед проблемой – строить новую семью. Это совсем не просто в пятьдесят…

– Константин, хочу вас сразу предупредить, – опережая его мысли, сказала она, – ни в ресторан, ни в театр меня не приглашайте. Моя вера не позволяет мне блаженствовать на земле в то время, когда надо изучать наш вариант Библии… А сегодня у меня как раз этот день. Поэтому я вам могу сейчас уделить лишь один час времени…

– Вы, наверное, сектантка? – спросил он. – Адвентистка седьмого дня?..

– Нет. Наше братство носит имя «Свидетели Иеговы»[1], – возразила она. Нас на земле более двух миллионов. Мы не отмечаем никакие праздники, мы против всякого идолопоклонства и всяких связей с членами других конфессий…

– А как обстоят дела со связями с атеистами? – всё более разочаровываясь, спросил он.

– Вы, что в Бога не верите?..

– Как вам, сказать… Я верю в Судьбу. В церкви был, когда священники отпевали друзей, а больше поводов у меня не было. Можете считать меня умеренным атеистом.

– Что означает «умеренным атеистом?»

– Это означает, что я к верующим отношусь с пониманием, – не теряя надежды на продолжение встреч с нею, сказал он. – Не осуждаю и не приветствую… Какой-то поэт сказал: «Блажен, кто верует – тепло ему на свете…».

– Это сказал Александр Сергеевич Грибоедов…

«Надо же, а я не знал», – подумал он, – А вы, наверное, увлекаетесь поэзией? – спросил он у неё.

– Представьте себе, да!

– Ну, тогда нам с вами общаться будет легко, – сказал он, стараясь перевести разговор в другое русло от веры. – Я тоже люблю поэзию. Раньше времени не хватало, а сейчас его, как говорят, вагон и маленькая тележка. Я ведь пенсионер…

– Не может быть! – удивилась она. – И сколько же вам лет? Если это не секрет…

– Вы неплохо рифмуете… Мне придётся отвечать так же… – Я уже не именинник – мне исполнился полтинник.

– Браво! – воскликнула она, – а сколько мне, по-вашему?..

– Ну, выглядите вы на двадцать восемь, хотя, мне очень хочется, чтобы вам было сорок пять…

– Замечательно!.. Ваше желание подтверждаю…

«Пожалуй, мне удалось увести её от опасной религиозной темы», – подумал он и предложил перейти на «ты». Она сразу же согласилась. Час пролетел быстро. Прощаясь у двери её подъезда, он спросил:

– Софья, а ты так и не ответила на мой вопрос насчёт общения с атеистами?..

– А ты очень хочешь общения со мною? – ответила она вопросом на вопрос. – Константин, не боишься, что «заразишься» от меня и примешь нашу веру? – спросила она.

– Насчёт веры – могу сказать точно – исключено!.. Общаться очень хочу.

Расстались и договорились звонить друг другу. Несколько дней телефон Константина молчал. Оказалось, что вышел из строя. Пришлось ремонтировать. Когда телефон ожил и зазвонил, в нём послышался голос Софьи:

– Костя, куда ты пропал? Звоню третий раз… У тебя всё нормально?..

---

[1] здесь и далее – организация, запрещенная в РФ

– У меня всё хорошо, а вот телефон порой барахлит. Носил на ремонт…

– Давай встретимся. У меня сегодня выходной…

Опять бродили по набережной. Тёплый майский день располагал к неторопливой беседе. На этот раз она никуда не спешила. Ей очень понравился этот военный отставник. Высокий, статный и обаятельный… Он чем-то напомнил её мужа… Двадцать лет назад она была бесконечно счастлива. Вышла замуж в двадцать пять лет после окончания консерватории, но всё оборвалось в один миг… Захотели с мужем совершить свадебное туристическое путешествие по Малому золотому кольцу России. Вместе с молодожёнами в туристическую поездку собрались и её родители. При посадке в аэропорту Владимира самолет потерпел крушение и загорелся. Из семидесяти восьми пассажиров уцелело сорок два. Отец, мать и муж погибли, а её с ожогами доставили в больницу. Обгорело пятнадцать процентов кожи. Долго лечилась… У неё случился выкидыш. Погиб, так и не родившись, её первенец…

Вернулась домой одинокой и несчастной. Впала в депрессию. Хотела покончить с жизнью, но нашлись добрые люди. Они сами пришли к ней. Окружили заботой и приобщили к вере. Эта вера оказалась не русской православной, а американской, но такой нужной ей в тот момент. С каждым годом она верила всё сильней, что Иегова есть единственный Бог, а Свидетели Иеговы – самые праведные и последовательные верующие. Однако вера накладывала целый ряд запретов. Одним из серьёзных был запрет на брак с неверующими. «Не впрягайся в неверное ярмо с неверующим», – гласит один из постулатов «Свидетелей Иеговы». Она хотела мужа и детей, но в обществах своих единоверцев, где она побывала, был огромный дефицит мужчин. Достойных холостяков не встретила.

И вот сейчас ей встретился подходящий мужчина, но он не верующий… Более того – атеист. И она решила: несмотря на категоричное его заявление – попытаться приобщить его к своей вере. Но каким образом? Попытаться при помощи той литературы, которую присылают из Америки? Это маловероятно. Покорить его своим интеллектом, музыкой, наконец?.. «Для достижения цели, – думала она, – все способы хороши».

Он тоже все эти дни думал о ней. По сути он ещё совсем не старый, но уже прошло больше полутора лет после развода с женой, а он никак не определился. Говорят, что мужчина, потерявший жену, всегда ищет в других женщинах типаж, похожий на прежнюю жену. Скорее всего – это так, ибо Софья до боли напоминала внешностью его жену. «Если она не религиозная фанатичка, – думал он, – то не всё ещё потеряно. Сумею переубедить».

Каждый из них приступил к выполнению своих намерений. А дальше события развивались со скоростью пикирующего бомбардировщика. Прогулка по набережной была в самом разгаре, когда небо заволокло тучами и «весенний первый гром, как бы резвяся и играя…», загрохотал над крышами домов, а крупные капли дождя стали прибивать пыль к асфальту набережной. Ни он, ни она зонтов с собою не брали. Пока добежали к подъезду её дома, вымокли до нитки. Дождь лил, как из ведра…

– Костя, я тебя таким не отпущу. Идем ко мне сушить одежду, – предложила она.

Это предложение абсолютно не противоречило их влечению друг к другу. Они оба понимали, что дождь – это лишь предлог продлить встречу. Он вполне мог бы пробежать мокрым несколько сот метров к своему дому. Но дал своё согласие.

Быстро поднялись на четвёртый этаж и вошли в её трёхкомнатную квартиру.

– Это квартира моих родителей. Мы с мужем жили до авиакатастрофы у них… Я тебе потом всё расскажу, а пока ты снимай рубашку, брюки и накинь на плечи вот этот халат. Он на меня большой, а тебе будет впору. Я замёрзла, переоденусь и пойду в ванну, —заявила она.

Пока она плескалась в ванной, он сидел в зале и смотрел на фотографии, развешанные в рамках на стенах комнаты. Сразу догадался: где родители и где муж. Софья вышла из ванной. Свои и его мокрые вещи загрузила в стиральную машину, а он ушёл купаться.

– Будем ужинать, – сказала она, когда он появился в зале.

За ужином рассказала историю своего одиночества. Ему стало многое понятным. «Появись тогда у неё в квартире не иеговисты, а наши христиане, то проблем сейчас было бы у нас меньше. А теперь имеем то, что имеем», – подумал он.

Дождь из проливного превратился в обложной и прекращаться не собирался. Мокрая его одежда сушилась на балконе. Халат Софьи был тесен. Он сел на табурет около журнального столика и стал листать литературу, лежащую на нём. Журнал под названием «Сторожевая Башня» его заинтересовал.

– Костя, ночевать тебе придётся у меня. Я тебе постелила на диване в соседней комнате…

– Но я так рано не ложусь спать, – возразил он. – Что это за журнал, с таким странным названием?..

– Почитай, в нём основа нашего вероучения. Если что-то не поймёшь – я подскажу…

Он ещё раньше заметил шрамы на её левом боку. Они шли от плеча к шее и до самого подбородка. Теперь причина их возникновения ему была ясна. Сердце его наполнилось состраданием к этой женщине. Ему захотелось её приласкать и утешить. Софья что—то готовила на кухне, а он читал «Сторожевую башню», ничего не понимая в этом, хорошо иллюстрированном журнале. Софья, войдя в зал сказала:

– Костя, мне сегодня хочется узнать о тебе больше. Надеюсь, тебе обо мне тоже. – Я уже рассказала кое-что о себе, теперь твоя очередь, – заявила она, усаживаясь напротив него на мягкий пуф.

– Родился в шестьдесят седьмом. Был единственным сыном матери-одиночки. Она умерла два года назад. Окончил авиационное училище, затем академию. Женился в тридцать пять. Сыну десять лет. Жена ушла с сыном к другому полтора года назад. Воевал в Чечне и Сирии. Был ранен. В чине подполковника вышел на пенсию в пятьдесят лет. Этому способствовало ранение. Живу через три дома от тебя с котом Барсиком.

– И за полтора года не нашёл себе никого?..

– Обманывать не буду. Была у меня одна дама, но, оказалось, замужняя.

– Я тоже без обмана скажу. Когда мне было тяжело и никого не было рядом, меня вернул к жизни наш старейшина – Слуга, так мы называем руководителей ячеек. Он оказался тем мужчиной, который помогал мне во всём. Он меня уверял, что с единоверцем заниматься сексом не грех… У него жена и дети. Сейчас наши отношения прекратились.

– В Библии, на сколько помню, говорится: «Не прелюбодействуй». Как же вы так низко пали?..

– Ты, Костя, злой… Осуждаешь. Мне было тогда двадцать семь лет. Я хотела любви, а он этим пользовался… Он старше меня на пятнадцать лет и с женой разводиться не хочет… Сам ты тоже прелюбодействовал?..

– Я атеист… Хотя, ты права… Прости, если обидел. А сейчас чего ты ожидаешь и чего хочешь? – спросил он, смягчая тон.

Обстановка накалялась. Он почувствовал, что сейчас кто-то из них перейдёт «красную линию».

– Очень хочу любви, но желательно, со своим единоверцем. Мне скоро будет сорок пять. Хочу любви, хочу семью, наконец, неворованного секса. – Ты можешь это понять?..

– Представь себе, я тоже хочу любви, семью и неворованного секса. – Ни в Бога, ни в чёрта не верю всю жизнь, хотя крещёный в детстве. Принять вашу веру и стать посмешищем на старости лет?.. – Ну, это не для меня…

Понимая, что с нею бесполезно сейчас говорить о чувствах, хотя она так была обворожительна в домашнем халатике и так манила к себе её изящная фигурка, Костя, пожелав Софье спокойной ночи, ушёл спать. Слышал, как она замкнула на ключ дверь в свою комнату. «Боится, думает, что буду приставать к ней», – мелькнуло в голове. Брать штурмом «башню»

он даже не собирался. Долго поворачивался с боку на бок. Наконец, задремал. Сквозь дрёму услышал, как хлопнула её дверь, и Софья вошла к нему.

– Ты не спишь?.. Слышу, как ты ворочаешься. Я тоже не могу уснуть. Меня что-то знобит. Видимо, простыла… Подвинься – я лягу…

Утром проснулся поздно. Софья спала, прижавшись щекой к его плечу, но её ровное дыхание не вызывало у него чувства удовлетворения и спокойствия. Такой потрясающей женщины у него не было никогда. Он лежал и думал о том, что произошло. Неужели она пошла на такую жертву без любви ради вербовки? А он-то влюбился в неё безумно. Любовь – это страшная сила. Он вспомнил Андрия из «Тараса Бульбы» Гоголя. Андрий пошёл на всё ради любви, лаже на предательство и смерть. «А мне всего-то надо прикинуться завербованным, – думал он, – этим предам лишь самого себя… Но представить себя поющим псалмы и читающим Библию?.. При этом ещё и креститься?.. Принято ли это у них?..». Вспоминая эту ночь, он не мог поверить, что её горячий шёпот о любви с первого взгляда к нему, может оказаться всего лишь обманом. Решил не торопиться и преодолевать трудности по мере их поступления.

После завтрака. Софья попросила его не уходить домой:

– Сегодня в три часа дня в нашей килке – ячейке, состоится Студия – это собрание, во время которого у нас проводится громкая читка и разбор статей из журнала, который ты вчера просматривал. Будут обсуждаться и другие вопросы… Останься, милый…

У Кости больно защемило в груди: «Неужели мои подозрения сбываются?»

– И твой, как его там, слуга – тоже придёт? – спросил он.

– Не знаю. Последний раз Студию проводил его помощник…

– Софья, я что-то не понимаю, – удивился он, – деятельность «Свидетелей Иеговы» в России запрещена. Вы, оказывается, подпольщики?.. Ты предоставляешь свою квартиру для собрания запрещённой организации. Понимаешь, чем это грозит?..

– А квартира эта уже не моя. Я оформила договор купли-продажи с пожизненным содержанием с руководством нашей общины. Так уже сделали несколько наших одиноких женщин. Нам объяснили, что это нужно сделать в целях юридической защиты собственников при разоблачения явочной квартиры.

– То —есть, в случае конфликта с властью, к тебе никаких претензий – квартира не твоя и ты не виноватая… Прости, так и лезет проклятая рифма – говорить не то, что хочу. – Здорово придумали. Ну, не зря вас запретили!..

– Ну, запретили нас… А сто семьдесят тысяч человек в России, которые исповедуют нашу веру, куда девать? Они ведь граждане России. Большинство работают… Что с ними делать?.. Мы вынуждены скрываться и менять места собраний…

– Милая, Софочка… Я вижу, что ты крепко запуталась в сетях иеговистов. Хотя, надо сказать, что сети христианства не лучше. Ты видела на том берегу озера: какой особнячок у служителя нашей епархии? И машина у него – не то, что моя отечественная «Лада». И всё это за деньги верующих, старух, которые несут им свои рубли. И ещё. Это насчёт твоей квартиры, – добавил он. – Может всё кончиться для тебя очень печально. Когда те, с кем ты заключила договор, решат, что ты им больше не нужна, они от тебя постараются избавиться, и квартиры перейдёт им. Кстати, этот договор в любой момент ты можешь признать ничтожным, но только при жизни. Скончавшись, ты сделаешь очередное «благое дело» в пользу Иеговы… Ты живёшь, как под Дамокловым мечом… Теперь скажу самое главное, – я видел в небе всё. Только Бога там не видел. Пожалуй, сейчас уйду… Спасибо за приглашение на ваше собрание, но у меня дома голодный кот…

– Ты обиделся на меня? – спросила она с огорчением. – Костя, милый! Побудь еще немного… Не уходи!.. Хочешь я тебе поиграю? – сказала она, открывая крышку фортепиано. Что ты любишь?..

– «Лунную сонату» Бетховена. Первую часть… Я не обиделся. Очень тебе благодарен за эту ночь. Я в тебя влюбился, но чувствую, что между нами глубокий обрыв.

Она играла блестяще. А он слушал и чувствовал, что никогда ещё не был так близко от заклания своей души не дьяволу, а Богу по имени Иегова во имя любви…

Кот встретил его гневным ором, который можно перевести примерно так: «Ты где шляешься? – по рукам пошел? – А я сижу голодный».

Наевшийся кот уснул на подоконнике, а он ушёл по своему маршруту на прогулку. Время подходило к трём часам дня и ему захотелось увидеть: кто они, эти иеговисты её килки? Стал вдалеке так, чтобы видеть входящих в её подъезд. Насчитал около десяти человек. В основном, это были пожилые женщины, а мужчин, примерно его возраста, оказалось лишь двое. На улице, после вчерашнего дождя было прохладно и сыро. «Полёты состоятся в любую погоду, – подумалось ему, – но кто же из этих двоих слуга?».

Следующий день он посвятил хозяйственным делам. Готовил еду себе, кормил кота, бродил вокруг озера и сочинял стихи. Конечно, о любви. Но на эту тему так много было уже написано другими поэтами, что все его сочинения оказывались сплошным плагиатом. Заболело горло. Видимо простыл, находясь в засаде.

Прошла неделя. Каждый вечер они звонили друг другу. Костя, подхватив ангину, не хотел встреч чтобы не заразить её, а она очень задумалась над его словами о Дамокловом мече. Впервые за эти двадцать лет она засомневалась в бескорыстности слуг «Свидетелей Иеговы». О Косте она думала каждый день. Его слова о том, что на небе он Бога не видел, сильно запали ей в душу. Она сама замечала, что Библия имеет очень много разногласий с учением «Свидетелей Иеговы», но не придавала этому большого значения до встречи с Костей. Сейчас её со страшной силой тянуло к нему.

Да, у неё была цель – любой ценой завлечь его в общину, вплоть до секса с ним. Но пошла она в ту ночь на это совсем не из-за меркантильности. Её захватило давно забытое чувство любви, когда мозг отключается и главенствует только страсть. Костя в сексе так напомнил ей мужа в их медовый месяц. Это ни в какое сравнение не шло с тем, что было у неё со своим старейшиной. Чувство греха, чувство воровства сводило на нет всё, что она ожидала от связи с ним. С Костей она тоже согрешила, но сейчас она была готова пойти на любые жертвы ради повторения греха.

Решила позвонить ему.

– Костя, привет! Как здоровье?.. Идешь на поправку… Слушай, сегодня просмотрела передачу «О самом главном». Знаешь, что сказали?.. Одинокие люди болеют значительно чаще тех, кто живет парами. День прожитый одиноким мужчиной в возрасте после пятидесяти лет равносилен пятнадцати выкуренным папиросам. Оказывается, что ты злостный курильщик. Поэтому и заболел… Что скажешь на это?».

– Скажу, что пора с одиночеством заканчивать. Давай встретимся…

Они шли по тротуару набережной и обсуждали проблемы долголетия. Шедший им навстречу мужчина вдруг остановился около них.

– Здравствуйте, Софья Михайловна Мещерякова, вы не забыли, что завтра у нас Студия, – сказал он, взглянув, между тем, на Костю.

– Хорошо помню, Захарий Иванович, – ответила она помрачнев.

Мужчина попрощался и ушёл. А Софья как-то сникла. Она шла молча рядом с Костей, задумавшись и погрустнев.

– Я вижу, ты расстроилась… Кто этот мужчина? – спросил он.

– Наш руководитель…

– Тот самый?..

– Да, тот самый…

Софья, сославшись на головную боль, попросила Костю провести её домой. В квартиру не пригласила. Попрощались у подъезда. Но вечером она позвонила.

– Костя, ты на меня не обижайся. У меня, действительно, сильно разболелась голова. Я всё это время думаю над твоими словами о договоре передачи моей квартиры в собственность нашей общины «Свидетелей Иеговы». Хочу расторгнуть его. Ты мне поможешь?..

– Ну, я должен прочитать договор. Это же договор о пожизненном содержании взамен квартиры. Ты получаешь от вашей общины какие-нибудь деньги?..

– В договоре называлась сумма, но я никогда её не получала…

– Успокойся. Этого достаточно, чтобы признать договор ничтожным… Давай займёмся этим делом в ближайшие дни. Я тебя люблю!..

Пожелали друг другу спокойной ночи. Следующий день они занимались своими делами. Он был на рынке, а она вела уроки в своей школе. Во второй половине дня он позвонил ей и в конце разговора спросил о прошедшей Студии.

– Всё было, как всегда. Правда, я поинтересовалась у руководителя насчёт расторжения договора. Он стал меня ругать и упрекать в нерадивости исполнения воли божьей.

– Думаю, мне пора с ним познакомиться поближе.

Но на второй день она перестала отвечать на звонки. Костя, обеспокоенный ей молчанием, позвонил по домофону в её квартиру. Тоже молчание. Позвонил соседям. И тут ему сказали, что Софью вчера забрала скорая помощь. Стал звонить в больницы города. Наконец, в областной больнице скорой медицинской помощи ему сообщили, что Софья Михайловна Мещерякова находится в реанимационном отделении.

Заведующий реанимационным отделением сказал Косте, что у Софьи отравление Альфа-Аманитином – ядом, содержащимся в бледной поганке.

«Жизнь её в большой опасности, – говорил он, – нами проведен весь комплекс мер интенсивной терапии, включая гемодиализ – очищение крови. – Сейчас нужно срочно сделать прямое переливание крови, но у неё первая группа крови с отрицательным резусом. Такой крови у нас нет. Дали объявление донорам, но вероятность отклика очень низкая».

– Доктор, у меня именно такая группа крови. Это записано в моём военном билете.

– Я вам верю, но проверим обязательно. А сейчас ответьте на несколько вопросов: печень, почки здоровые? Копчёности и соленья сегодня ели?.. Спиртное пили?..

– Я бывший военный лётчик. Ничем не болел. Ел утром яичницу с картофелем… Я за рулём…

– Вам сдача крови пойдёт только на пользу. Нам нужно сейчас четыреста пятьдесят миллилитров. Кстати, кем приходитесь больной?

– Я её друг… Доктор, прошу разрешения с ней поговорить…

– Сейчас у вас возьмут кровь на анализ. Пока лаборатория будет проверять группу крови, минут пять можете поговорить, но предупреждаю – она очень слаба…

Костя вошёл в палату и увидел её. Софья, бледная и осунувшаяся, лежала у окна. Взял её руку и погладил. Она проснулась.

– Костя, как ты меня нашёл?..

– Сонечка, сейчас тебе перельют мою кровь. Это противоречит вашей вере, но прошу не протестовать. Моя кровь такая же, как и твоя. Доктор сказал, что ты отравилась грибным ядом. Грибы ела?..

– Нет… В день проведения студии у нас отключали холодную воду. Так бывает очень часто. Захарий Иванович покупал мне литровую бутылку минералки… Я выпила полбутылки. Остальное на кухне…

– Что у тебя с телефоном?..

– Подзарядку дома оставила. Я дам тебе ключи от квартиры… Подзарядка в розетке…

Вошедшая в палату медсестра позвала его и попросила переодеться в принесённую ею стерильную одежду. Анализ показал полное соответствие групп крови и переливание было произведено напрямую. Он лежал рядом с Софьей и просил Бога, в которого до этого момента не верил, чтобы она осталась жива.

Оставив свой номер телефона дежурной сестре, он приехал домой. Накормил кота и пошёл на квартиру Софьи. Подзарядку увидел сразу, а бутылку с остатками воды нигде не нашёл. Открыл кран холодной воды в раковине на кухне – вода не шла. Оказалось, что в туалете был перекрыт кран общей подачи холодной воды. Это вызвало подозрения. Приехал в больницу и зашёл в ординаторскую к заведующему реанимационным отделением.

– Доктор, извините за беспокойство… Я разговаривал с подругой, и она мне сказала, что пила бутылочную воду, купленную её знакомым. Кран холодной воды в квартире был перекрыт. Мне кажется это очень подозрительным…

– Во-первых, хочу вас поблагодарить за кровь. Больной сейчас значительно лучше. Во-вторых, нам тоже это показалось очень подозрительным. У нас за последний месяц это уже второй такой случай. Одна женщина умерла. Вашей подруге повезло – она не успела выпить смертельную дозу. Следователь прокуратуры утром беседовал с Мещеряковой и сообщил мне час назад, что в результате обыска в квартире руководителя сектора иеговистов нашёлся концентрат сока бледной поганки. Он, видимо, добавлял его в воду своим жертвам… Его арестовали. Сейчас можете пройти к больной, но ненадолго.

Софья лежала и читала книгу. Увидев Костю, она отложила книгу в сторону и протянула к нему руки… Он их покрыл поцелуями. Оказалось, что с возрастом это делать всё приятней… Сел на табурет у её кровати, взял книгу. Это была Библия.

– Сонечка, любимая, опять религия?!

– Но это православная Библия.

– Из огня, да в полымя…

– Костя, мне трудно сразу отречься от Бога. Я думаю, что это он послал мне тебя… Я буду молиться и благодарить его за этот дар… С иеговистами я порву все связи, но не торопи меня с отречением от Бога… «Костя, – вдруг тихо прошептала она, – наклонись ближе… Поцелуй меня, как в ту нашу ночь… Я очень люблю тебя».

Уже третий месяц Костя живёт с Софьей в счастливом браке. Ходит в церковь вместе с ней. Он по-прежнему не верит в Бога, но и не отрицает его существование. Он теперь не атеист, он агностик. Чувствуется, что его жена к этой метаморфозе имеет прямое отношение.

Стечение обстоятельств

1

Есть парни, которым в жизни, как говорится, везёт. Удача так и прёт. На экзаменах вытянут именно тот билет, который из тридцати один единственный только и учили, в лотерею обязательно выигрывают, пусть немного, но обязательно. Работу находят не пыльную, но хорошо оплачиваемую, бутылка кефира, упавшая из окна девятого этажа, пролетает в метре от их головы, на рыбалке у всех клёва нет, а они только и успевают вытаскивать одну рыбину за другой. Но, самое главное, в любви они счастливы, дом у них полная чаша, детки здоровы, всё есть – машина, дача, любимая жена, понятливая тёща, любовница секс-бомба… Живи и радуйся!..

У Ивана всё было далеко не так. Но только до определённого времени. На войне ему не везло в смерти, зато после войны повезло в любви.

Родители его разошлись, когда ему не было и трёх лет. Отец был алкоголик, не дожил и до сорока лет. Мать несколько раз выходила замуж, но неудачно. Последний сожитель, гастарбайтер из Узбекистана, зарезал её, когда Ивану был шестнадцать лет. Естественно, Иван отомстил. За убийство попал в колонию для несовершеннолетних. В колонии отличился примерным поведением, получил профессию сантехника и был досрочно освобожден, отбыв в заключении две трети срока.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.